

УДК 316.421

**К ПРОБЛЕМЕ РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТИ И
ОЦЕНКЕ ПЕРСПЕКТИВ БУДУЩЕГО
ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД**

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет

E-mail: ibardashkin@mail.ru**Ардашкин Игорь Борисович**, д-р филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета ТПУ.E-mail: ibardashkin@mail.ru

Область научных интересов: философия и методология научного познания.

Рассматривается стратегия ресурсоэффективного развития общества, анализируется понятийный аппарат, его смысловые значения сквозь призму оценки перспектив будущего человека. Делается вывод, что ресурсоэффективная стратегия развития является лишь средством, с помощью которого общество сможет получить время для осмысления образа своего будущего.

Без формирования такого образа будущего человека ресурсоэффективная стратегия развития не будет играть существенного значения в его судьбе.

Ключевые слова:

Философия, ресурсоэффективность, устойчивое развитие, образ будущего, человек.

Философия всегда претендовала на взвешенную, осторожную, целостную оценку рассматриваемых в ее рамках вопросов. И можно констатировать, что ей удавалось сохранять данную установку на протяжении длительного времени своего существования. Приверженность к подобному ориентиру всегда при этом связывалась с неоднозначностью получаемых оценок, некоторой схоластичностью их выражения со сложным восприятием этих оценок окружающими. Философия никогда не давала простых ответов, что во многом приводило к тому, что ее недолюбливали, стремились игнорировать, указывали на ее бесполезность (как, например, это делали первые позитивисты). Сегодня ситуация в чем-то напоминает позитивистское отношение к философии, к тому же сюда добавляется и то, что развитие современной цивилизации осуществляется все более динамично, а осмысление происходящих событий, их значимости для человека и его будущего отстает от этих темпов. На этом фоне философская рефлексия выглядит как несоответствующее современной действительности явление, которое явно не успевает со своими оценками происходящего за той динамикой, с которой последнее случается.

Философии предписывается либо измениться, ускорить поиск ответов на стоящие перед обществом и человеком вопросы, что должно будет привести последнюю к трансформации (по сути, ликвидации), либо сохраниться, оставить все как есть, но оказаться невостребованной. По мнению автора статьи, философия должна оставаться сама собой (даже если какое-то время она будет невостребованной), поскольку именно такой способ функционирования позволит ей сохранять самостоятельный взгляд на происходящие в мире события. А вывод, связанный с оценкой того, что философия не успевает своевременно реагировать на интенсивность протекающих процессов в мире, оставить без ответа. Иначе мы никогда не сможем иметь взвешенную, целостную, пусть не всегда устраивающую нас, оценку происходящего. Обращение к проблеме ресурсоэффективности и к вопросу о перспективах будущего человека должно помочь автору это продемонстрировать.

Напомню, что специфика философского взгляда на любой предмет исследования связана с выявлением смысла этого предмета относительно судьбы человека. Особенно показательным представил специфику философской позиции при изучении мира немецкий философ И. Кант. Философский аспект познания обусловлен последовательностью следующих вопросов: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?» [1. С. 11]. Как видно из этого ряда, вопрос о человеке является самым главным, поскольку все остальные вопросы необходимы и уместны только при его наличии. Именно этот аспект следу-

ет помнить, выбирая в качестве исследовательского интереса вопросы о ресурсоэффективности и оценке перспектив будущего человека.

Вопрос о ресурсоэффективности последние десятилетия ставится достаточно часто, с ним связывается, в первую очередь, перспектива будущего развития цивилизации. Ряд авторов считает, что именно этот путь – путь ресурсоэффективной стратегии развития – предстает в качестве наиболее важного, фактически неизбежного для человека и его будущего. Как пишут авторы нашедшей в свое время статьи «Фактор "четыре". В два раза больше богатства из половины ресурсов» Э. фон Вайцзеккер, Э.Б. Ловинс, Л.Х. Ловинс, «эта идея нова и одновременно элементарна. Нова потому, что подразумевает ни больше, ни меньше как новое направление прогресса... Эта идея будоражит воображение, ибо подразумевает, что кардинального повышения эффективности можно добиться уже сейчас, причем не только не затрачивая дополнительных средств, а напротив, получая определенные выгоды в целом ряде областей. Страны, которые пойдут по пути "революции эффективности" (efficiency revolution), с точки зрения международной конкурентоспособности не потеряют ничего, но приобретут многое... Их путь к преуспеванию будет менее тернистым, более безопасным, если в основе их технического прогресса будет лежать революция эффективности» [2].

Обозначенный взгляд, а он, если вести речь о потестарных структурах современного мира, является наиболее распространенным, рассматривает ресурсоэффективное использование имеющихся природных и социальных активов как действительно позитивное решение, которое позволит уже сегодня решать стоящие перед человеком (обществом) проблемы. И с первого приближения указанная точка зрения в полной мере представляется важной и необходимой. Однако в философской среде не разделяется подобный оптимизм по причине того, что, *во-первых*, для нее вообще не свойственно сразу принимать ту позицию, которой придерживается большинство, а, *во-вторых*, по причине рассмотрения этой проблемы более глубоко и взвешено.

Для начала важно разобраться, о чем идет речь, выяснить содержание понятия «ресурсоэффективность». А это понятие далеко не столь однозначно, как может изначально показаться. Об этом говорит хотя бы тот факт, что во многих словарях, имеющих наиболее массовое использование (на бумажных и электронных носителях), данное понятие просто не встречается. Отсюда, возможно, и существующая неоднозначность интерпретации «ресурсоэффективности». Поэтому при отсутствии единства в определении уместно оттолкнуться от грамматической основы термина «resource» как наиболее универсального, учитывая место и роль английского языка в современном мире.

«Resource» может быть переведен на русский язык как: «1) запасы, ресурсы, средства; природные богатства; 2) способ, средство, возможность, шанс; 3) способ, средство развлечения, отдыха; 4) изобретательность, находчивость; умение выходить из трудного положения» [3], что вполне дает основание для разнообразных его интерпретаций.

В чем-то близко значение на русском языке и термина «ресурс». Ресурс (ресурсы) – «запасы, источники чего-н. Природные ресурсы. Экономические ресурсы. Трудовые ресурсы (часть населения страны, которая способна работать, участвовать в процессе производства). 2. Средство, к которому обращаются в необходимом случае (книжн.). Испробовать последний ресурс» [4].

Получается, ресурсом можно считать и материальные активы (природные, экономические, антропогенные), и механизм осуществления деятельности (средство, к которому обращаются в необходимом случае, средство развлечения и отдыха), и определенный потенциал, способности человека (шанс, изобретательность, находчивость), которые могут иметь не только материальное, но и духовное происхождение. Такая широта значений во многом является причиной расхождений относительно понимания и использования понятия ресурс: в широком и узком смыслах, в материальном и духовном смыслах, в природном и духовном смыслах, в результативном и процессуальном смыслах и т. д.

Если обратиться к английскому эквиваленту понятия «эффективность» – «effectiveness», то можно констатировать большую однозначность этого термина. Он означает: «1) действенность, эффективность, результативность, производительность; 2) вступление в силу (закона,

договора)» [3]. Аналогичные значения демонстрирует и русское слово «эффективность»: «дающий эффект, действенность; способность» [4].

Главное, что можно заключить из обращения к словарным значениям понятия «эффективность», так это аспекты, демонстрирующие активность, производительность, результативность, эффект.

Следовательно, с позиции автора статьи, понятие «ресурсоэффективность», сочетающее в себе значения терминов «ресурсы» и «эффективность», предполагает наличие человеческой (либо общественной) производительной активности, дающей результат от использования ресурсов (материальных и нематериальных) либо в случае применения какого-то специального механизма (средства) организации деятельности, либо в случае осмысления какой-то возможности, проявления изобретательности и находчивости.

Учитывая широкий смысловой горизонт понятия «ресурсоэффективность», целесообразнее говорить о широком (максимально возможном) и узком (специализированном) понимании исследуемого термина. Отсюда в самом широком смысле ресурсоэффективность может означать нацеленность на получение результата от абсолютно любого проявления человеческой активности в его жизнедеятельности. В узком смысле речь может идти о трактовке ресурсоэффективности как нацеленности на достижение максимально прагматического результата для человека (общества) в процессе использования тех ресурсов, которые у него есть, либо могут появиться.

Чаще всего нам приходится сталкиваться с узким пониманием термина «ресурсоэффективность». Причем это понимание в контексте своего уточнения еще более суживается. Как правило, суживается до конкретизации вопроса о выражении результата, на достижение которого нацеливается человек. И результат этот получает экономическое воплощение (выгода, прибыль, экономия, но не для ограничения, а для усиления прагматической стороны конечного итога). Показательны критерии оценки, которые Э. фон Вайцеккер, Э.Б. Ловинс, Л.Х. Ловинс предлагают использовать применительно к ресурсоэффективности: повышение качества жизни (ресурсоэффективность позволяет жить лучше: более эффективные осветительные приборы дают больше освещения, более эффективно работающие холодильники позволяют лучше хранить продукты питания и т. д.); уменьшение уровня загрязнения окружающей среды и преодоление проблемы истощения ресурсов (повышение эффективности позволит также высвободить время для вдумчивого, ответственного и последовательного осмысления глобальных проблем); экономия финансовых средств; контроль над рынком и активизация бизнеса; многократное использование ограниченных ресурсов; повышение безопасности (ресурсоэффективность может снизить степень конкуренции за ресурсы в мире, а также привести к развитию технологий двойного назначения); обеспечение равенства и занятости [2].

Фактически все критерии имеют экономическое значение, связанное с необходимостью каким-то образом улучшить материальное потребление человека. Может второй критерий – уменьшение уровня загрязнения окружающей среды и преодоление проблемы истощения ресурсов – ориентирует человека на более осторожное отношение к среде своего обитания, но опять-таки с целью более эффективного использования природных ресурсов. В свою очередь и этот критерий предполагает получение определенной выгоды (прибыли) или, как полагают авторы указанной критериальной шкалы ресурсоэффективности, он должен дать время, точнее высвободить его, чтобы человек смог ответственно и последовательно осмыслить глобальные проблемы. Остается добавить, если будет еще не поздно.

Но, по сути, в такой трактовке понятия «ресурсоэффективность», его критериев оценки обнаруживается поверхностность, предлагается не поиск путей развития, а его имитация. Однозначно, что ресурсоэффективность предлагается интерпретировать как средство, как способ организации человеческой (общественной) жизнедеятельности, который позволит последнему достигнуть нужного результата. Но что это за результат, не совсем понятно. Точнее понятно, что он должен быть экономически выгоден, жизненно значим, поскольку, прежде всего, направлен на улучшение качества жизни, повышение уровня безопасности, обеспечение равенства и занятости и т. д. Но это не снимает вопроса: Для чего? Что это должно дать человеку? К чему это может его привести? И вот здесь мы сталкиваемся с тем, что ответа у нас на эти во-

просы нет. А в таком случае средство, которое выступает для человека основным ориентиром развития, когда мы знаем «как?», но не знаем «для чего?», начинает трансформироваться в цель. Ресурсоэффективность как средство человеческого (общественного) развития становится его целью. Ведь не случайно приведенный выше второй критерий оценки ресурсоэффективности (уменьшение уровня загрязнения окружающей среды и преодоление проблемы истощения ресурсов) предполагает освобождение (выигрыш) времени для осмысления глобальных проблем. Что предполагает, будто бы мы стараемся ресурсоэффективно относиться к окружающей среде, но зачем мы так к ней относимся, нам сложно выразить, понять, поскольку нет времени на осмысление данного вопроса. Может так получиться, что ресурсоэффективное отношение может нам просто не дать шанс на то, что это время у нас когда-то появится.

Человечество делает то, что еще не осмыслило, а осмыслить у него нет времени, потому что оно это делает. Получается парадоксальная ситуация, напоминающая собой замкнутый круг: человек стремится достичь чего-то, но что, не может четко обозначить и выразить. Отсюда и поверхностность идеи, имитация активности, когда человек делает вид, пытается себя убедить в том, что он ищет какие-то значимые идеи, стремится к достижению стратегических целей.

Человеку кажется, что ресурсоэффективность представляет собой тот выбор, который и позволит ему решать возникающие проблемы. Так возникает ситуация «успокоения», снятия напряженности, осознание того, что если средство верное, то и результат будет нужным. Наиболее яркий результат такого ресурсоэффективного отношения представляет концепция устойчивого развития (sustainable development), принятая в качестве руководства к действию на конгрессе в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Ситуация напоминает все, что было сказано выше. Как пишет академик Н. Моисеев, «принцип "sustainable development" был воспринят обществом, не без старания политиков, как некоторый абсолютный рецепт преодоления энвайроментальных трудностей. Еще раз подчеркну: он был воспринят широкой общественностью и правящими силами не как некоторый паллиатив, некий компромисс с будущим, дающий время для разработки Коллективным Разумом человечества необходимой стратегии выживания человечества на планете, а именно как окончательный рецепт! В результате общество успокоилось: от страшной болезни есть рецепт, его надо только умело применить» [5]. Но в этом и заключается скоропалительность такой оценки.

Обратившись к исследованию понятия «ресурсоэффективность», автором было проанализировано его содержание, смысловые рамки, но не затрагивался вопрос о том, почему это понятие стало популярным, широко используемым, каковы причины, которые побуждают человека искать и вырабатывать ресурсоэффективную стратегию в качестве императива своего развития. А причинами ресурсоэффективной стратегии развития выступают экологический кризис, демографическая ситуация в мире (демографический взрыв), истощение природных ресурсов, продовольственный кризис и т. д. (т. е. перечень глобальных проблем человечества). Но и эти причины не являются крайним основанием, поскольку они сами следствие того, что существует особый акцент в деятельности человека, связанный с функционированием общества потребления.

В обществе потребления человек утрачивает многообразие своих ипостасей, своих бытийных измерений, обретая лишь универсальное и наиболее понятное и удобное из них – измерение потребителя. Условием существования человека как потребителя и других подобных ему выступает, по мнению австрийского социолога З. Баумана, постоянное ускорение пути от разработки и производства нового продукта (услуги) до свалки [6]. В обществе потребления важен не результат, а процесс, который и должен занимать все свободное время человека. Вся инфраструктура цивилизации формируется таким образом, чтобы подталкивать человека к потреблению, чтобы навязывать ему все, что можно купить, все, от чего ему можно получить удовлетворение.

Применительно к обществу потребления ресурсоэффективная стратегия действительно выглядит как то средство, которое позволяет искать пути роста потребления, далее результативно используя имеющиеся ресурсы. Возможность находить технологии, продлевающие жизнь ресурса, удешевляющие его получение – это самое востребованное средство для потребителя, позволяющее экономить, не экономя, уменьшая эксплуатацию окружающей среды, не

снижая качества жизни. И поэтому вполне понятно, что идеологи ресурсоэффективной стратегии как руководящего принципа развития человечества полагают, что эта идея направлена на человека, для человека, является наиболее значимой гарантией его будущего. И спорить с этим не приходится.

В то же время следует отметить, что человек представляет собой начало, у которого его функция потребителя, как минимум, далеко не единственная и даже не самая главная. Как представляется автору, для любого философа понятна и приемлема позиция, утверждающая, что человеку важно иметь необходимые качество жизни, ощущение безопасности, осознание своего равноправия, быть занятым, хорошие условия проживания и т. д., но все это нельзя считать главной целью существования человека. В лучшем случае обозначенные факторы следует воспринимать как средство, но не как цель.

При этом философ вряд ли решится утверждать о своем знании того, что является главной целью человеческого существования. Он, скорее, готов обсуждать это, взвешивая и критически оценивая различные варианты. Здесь нельзя выдать однозначный и простой ответ, но важно понимать, что без постановки такого вопроса любая проблема, стоящая перед человеком, цивилизацией, культурой, вряд ли получит полноценное осмысление.

Учитывая вышесказанное, следует отнестись к вопросу о ресурсоэффективной стратегии с точки зрения философского способа понимания предмета, не забывать, что главное – это поиск ответа на вопрос: «Что такое человек?». Насколько выбор ресурсоэффективной стратегии развития (или выживания) помогает нам более полно ответить на поставленный вопрос. И здесь становится очевидным, что ракурс ресурсоэффективности позволяет нам говорить о человеке как о начале экономическом, научном, технологическом, тогда как такие начала как нравственное, коммуникативное, гуманистическое и т. д. остаются за границами избранного ракурса. Человек в подобном ресурсоэффективном измерении становится усеченным, человеком процесса, движения, человеком-технократом, человеком, которого волнует, как сократить ресурсопотребление, как его удешевить, как рационально себя вести, чтобы, экономя, все же оказаться с выгодой и т. д. Но не понятно для чего, почему, зачем? Куда может привести такое развитие (или выживание). Как пишет академик Н. Н. Моисеев, «наука старается отвечать на вопрос: как? Как те или иные следствия порождаются теми или иными причинами. Но есть и еще один вопрос: зачем? Или почему? Почему, зачем существует мир, Вселенная, человек, я сам? Такой вопрос не приемлет наука, но от него нельзя отмахнуться, он всегда остается вопросом, и каждый человек на него отвечает по-своему» [5].

Автор ничего негативного не видит в идее ресурсоэффективной стратегии. Эта стратегия сегодня действительно необходима, без нее человечеству, скорее всего, в настоящее время не обойтись, если оно намеревается выжить. Но сложность в другом: что должна дать эта стратегия человеку, к какому предварительному результату она может его привести. Сам человек как-то должен меняться или ему достаточно поменять технологии в производстве, в ресурсопотреблении? Очевидно, что концепция ресурсоэффективной стратегии развития даже при осознании ее неизбежного применения для выживания ничего не гарантирует без обозначения хотя бы какого-то элементарного ответа на вопрос: что такое человек? Эта стратегия максимально может лишь оттянуть наступление грядущей катастрофы, но сама по себе не является готовым ответом, как, кстати, ее пытаются зачастую преподносить.

А такого ответа сегодня нет, что подтверждается и выбором ресурсоэффективной стратегии выживания. Ведь один из ключевых аспектов ресурсоэффективного отношения – это аспект экономного потребления, «затягивания поясов» (правда, идеологи ресурсоэффективности уверяют, что «затягивания поясов» не должно случиться). А так поступают тогда, когда неочевидна перспектива грядущего, когда нет четкого представления о том, что ждет человека в будущем. Поэтому и естественная реакция последнего перед неизвестностью: стремиться экономить, а лучше стараться многократно использовать один и тот же ресурс, пытаюсь при этом извлечь прибыль. Но без попытки поиска образа будущего такая стратегия в конечном итоге окажется бесполезной. Как тонко подмечает А.А. Дульзон, «философы, социологи и вообще здравомыслящие люди ищут пути выхода из этого тупика, но на сегодня он представляет собой реальность» [7. С. 82]. Правда, следовало бы уточнить, тупик, о котором говорит цитируемый ав-

тор, фигурирует не потому, что не могут найти философы, социологи и здравомыслящие люди ответа, а потому, что к ним не прислушиваются, потому что от них хотят простого ответа, но они говорят о сложном ответе, о том, что для человека ответ связан с глубинным пересмотром его фундаментальных основ существования. Или, выражаясь словами Н.Н. Моисеева, «деятельность человека, основанная на выработанных цивилизационных парадигмах, ведет, вероятнее всего, к деградации биосферы и не способна гарантировать сохранение человека в ее составе. Вот почему реальность такова, что род людской может выжить лишь при изменении самих цивилизационных начал» [5].

А человек все еще сохраняет иллюзию того, что он может, не меняясь, найти такие механизмы, технологии, пути, которые позволят совместить тот уклад жизни, сложившийся сегодня, и все большее давление на окружающую среду, вызванное антропогенными факторами. Выбор ресурсоэффективной стратегии опять-таки – подтверждение этой иллюзии.

Ситуация настолько сложна и запутанна, что даже наличие такой иллюзии порой не всегда заставляет человека следовать подобной стратегии. И опять-таки по причине того, что сам себя человек не обнаруживает в этой стратегии, он не находит себя в ней, не понимает, какую роль он может здесь обрести. Двойственность такого выбора на лицо: без образа будущего, без определенности человек выбирает ресурсоэффективную стратегию существования, но, обнаруживая для себя в ней место, ведет себя безответственно, далеко не всегда соблюдая принципы и нормы этой стратегии. Косвенно это подтверждает и то, что люди периодически вообще не задумываются о значении ресурсоэффективной стратегии, забывая о ней в своей повседневной жизни. Как констатирует А.А. Дульзон, проведя исследование относительно ресурсоэффективной стратегии в развитии вуза (в частности, Томского политехнического университета), «дело в том, что абсолютное большинство работников вуза и студентов, а тем более представителей других организаций и властей, на прямой вопрос: "А вас лично волнуют проблемы ресурсоэффективности вуза?" – однозначно признают: "нет"» [7. С. 80].

Подобные коллизии проблемы ресурсоэффективности вызывает узкая трактовка этого понятия, где человек не рассматривается как ресурс. Можно прибегнуть к широкой трактовке ресурсоэффективности, где человек выступает тем ресурсом, от грамотности использования которого зависит качество полученного результата (от отношения к самому себе также во многом зависит его собственная перспектива).

В широком смысле ресурсоэффективность ориентирует нас на постановку вопроса о критериях оценки деятельности человека как целостного начала, а не усеченного; как начала понимающего, что его целостность обусловлена полнотой связей с другими людьми и окружающей средой. Тот результат, который ожидает человека в процессе его существования, может быть оценен исключительно с позиций самого человека. И такая оценка не может быть простой и однозначной.

В то же время, очевидно, что для человека любой результат его деятельности должен быть связан с целеполаганием смысла его существования. Образ будущего человека – ключевой источник любой оценки его деятельности. То, к чему стремится человек, то, чего он хочет достичь, и будет определять качество ресурсоэффективной стратегии в широком смысле этого понятия. Если у человека будет проект такого будущего, его образ, то и осуществление ресурсоэффективной стратегии саморазвития предстанет в качестве вполне понятного алгоритма действий. Но сложность в том, что сегодня у человека нет явно выраженного образа будущего, четкого понимания, куда ему следует стремиться. И в этом заключается основная проблема его самопонимания, самоидентификации. Человек оказался в глубоком экзистенциальном кризисе.

Конечно, это не первая ситуация, когда человек встает перед неопределенностью своего будущего. Другое дело, что специфика настоящего дня заключается в том, что та динамика жизни, которую развил и поддерживает человек, может не позволить ему успеть определиться с выбором своей перспективы развития. Человек и раньше сталкивался с необходимостью выбора (экологические кризисы прошлых лет, эпоха реформации, гибель цивилизаций и т. д.), но никогда он не стоял перед осознанием того, что этот выбор носит общечеловеческий характер. Если в период Реформации человек, находясь перед угрозой потери жизни, должен был определиться какой вариант веры ему избрать, к кому примкнуть, то сегодня выбор стоит не между

одной частью человечества и другой, а между тем, сохранится человечество вообще или нет, сохранится ли цивилизация вообще или нет. Если ранее у человека были «вечные ответы» на такие сложные вопросы о существовании в виде традиционных религий; если раньше он верил, что наука окажется способной найти ответы на любые поставленные вопросы, то сегодня человек живет в постсекулярном мире, где ни наука, ни религия, ни какая другая система мировоззрения не обладает необходимым авторитетом, не является достоверным источником знаний о настоящем и будущем. А единственным источником поиска хоть какого-то ответа выступает сам человек, только в нем самом может быть найдено, обнаружено необходимое решение. Как полагает А. Печчеи, «истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным... полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то и решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого» [8. С. 43].

Кризис человека, культуры усугубляется еще и тем, что предлагаемые ответы (а говорить, что такие ответы отсутствуют, не предлагаются, было бы не правдой) либо не принимаются в качестве таковых, либо не несут ясность. Но сложнее то, что даже при всей неоднозначности, нечеткости они не принимаются. Люди сегодня оказываются не готовыми принять те ответы, которые очевидны, и которые обладают универсальным и вечным смыслом. Это во многом обостряет кризис человека: он не хочет менять в себе ничего, но при этом понимает, что и современное состояние не устраивает его самого. Например, большинство выступает против загрязнения окружающей среды, против безнравственного поведения в обществе, но все эти установки работают только на уровне деклараций. Человек не перестраивается, в лучшем случае стремится следовать необходимым регулятивам, но до той поры, пока это всерьез не заставляет его целиком менять свой образ жизни. Отсюда и кризис человека: кризис духовности (не хватает воли реализовать декларируемые ценности), кризис культуры (нежелание ответственно позволить себе проявление свободы выбора), кризис цивилизации (утрата образцов совместного сосуществования в мире) и т. д.

Таким образом, человек стоит перед выбором (непростым выбором) найти в себе силы принять те вечные и универсальные ответы, которые человечество смогло выработать за длительную историю своего существования или найти новые решения (новые образы, новые идеалы), позволяющие человеку обрести себя в иных постцивилизационных, посткультурных, постчеловеческих ипостасях («пост» относительно современного состояния указанных измерений). И чем дольше ситуация с выбором ответа затягивается, тем больше она становится революционной, когда человек уже не успеет принять готовый ответ и еще не выработает новый.

Ситуация напоминает, говоря языком психологии, классический когнитивный диссонанс, когда имеющееся знание об окружающем мире вызывает противоречие, дисгармонию в душе человека. А возможные варианты устранения диссонанса ограничены: либо поменять поведение, приведя его в соответствие с имеющимися знаниями, либо поменять знания, подведя их под четкое понимание сложившегося поведения. Только когнитивный диссонанс касается в большей мере сознания и поведения одного человека, а сложившаяся ситуация – всего человечества, а, следовательно, менять знание или поведение необходимо всем вместе. А это, в свою очередь, также сделать не просто.

Но в любом случае можно констатировать, что вопрос осуществления ресурсоэффективной стратегии ни в коем случае не является определяющим для будущего человечества, тогда как, наоборот, будущее человека, его образ, оказывает самое существенное влияние на характер использования ресурсоэффективной стратегии развития. Ресурсоэффективная стратегия сегодня является вынужденным средством существования человека, поскольку она (одна единственная) позволяет получить время на осмысление перспектив своего будущего для него. В узком смысле речь идет о практическом способе самосохранения, в широком смысле подразумевается смысловой ракурс человеческого существования. Но, главное, следует понимать, что ресурсоэффективная стратегия категорически не может считаться целеполагающей установкой развития человека, ни даже ключевым средством его эволюции. Ресурсоэффективная стратегия

– это лишь временное необходимое средство, позволяющее найти время в ситуации глобальной неопределенности, с которой человек столкнулся. В противном случае, по мнению автора, у человека нет будущего как человека.

Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. – Симферополь: Реноме, 1998. – 528 с.
2. Вайцеккер Э. фон, Ловинс Э.Б., Ловинс Л.Х. Фактор «четыре». В два раза больше богатства из половины ресурсов // Новая индустриальная волна на Западе. 2011. URL: <http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/index.html> (дата обращения: 12.04.2012).
3. Новый большой англо-русский словарь. 1994. URL: [http://eng-rus.slovaonline.com/r/re/89220 – resource](http://eng-rus.slovaonline.com/r/re/89220-resource) (дата обращения: 23.03.2012).
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. 2011. URL: <http://www.ozhegov.org/words/40887.shtml> (дата обращения: 05.04.2011).
5. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума // Электронная библиотека Modernlib.ru. 2011. URL: http://www.modernlib.ru/books/moiseev_nn/sudba_civilizacii_put_razuma/read (дата обращения: 05.04.2012).
6. Bauman Z. *Leben inder Fluechtigen Moderne*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. – 287 s.
7. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.

Поступила 17.04.2012 г.